

*«...“свобода”. Бантики люди надели, (...)
А после “свободной” медовой недели...»*

Владимир Маяковский

*«Свобода ещё с ледяного похода
ля нас неразлучна с бедой».*

Николай Туроверов

*«И там и здесь между рядами // Звучит
один и тот же глас: // “Кто не за нас — тот
против нас”. // Нет безразличных: правда с
нами». // А я стою один меж них // В реву-
щем пламени и дыме // И всеми силами свои-
ми // Молюсь за тех и за других».*

Максимиллиан Волошин

Эти строки великий поэт великой революции Владимир Маяковский посвятил 1905 году. Но они отражали настроение народа и в период февральской революции.

Из дневника Зинаиды Гиппиус (М., 2002 г.)

«1 марта, среда

С утра текут, текут мимо нас полки к Думе. И довольно стройно, с флагами, со знамёнами, с музыкой. <...>

Мы вышли около часу на улицу, завернули за угол, к Думе. Увидели, что не только по нашей, но по всем прилегающим улицам течёт эта лавина войск, мерцающая алыми пятнами. День удивительный: легко-морозный, белый, весь зимний – и весь уже весенний. Широкое, весёлое небо. Порою начиналась неожиданная, чисто вешняя пурга, летели, кружась, ласковые белые хлопья и вдруг золотели, пронизанные солнечным лучом. Такой золотой бывает летний дождь; а вот и золотая весенняя пурга. <...>

С нами был и Боря Бугаев в толпе, теснящейся около войск, по тротуарам, столько знакомых, милых лиц, молодых и старых. Но все лица, и незнакомые, – милые, радостные, верящие какие-то... Незабвенное утро. Алые крылья и Марсельеза в снежной, золотом отливающей, белости... <...>

Утренняя светлость сегодня – это опьянение правдой революции, это влюблённость во взятую (не “дарованную”) свободу, и это и в полках с музыкой, и в ясных лицах улицы, народа. И нет этой светлости (и даже её понимания) у тех, кто должен бы сейчас стать на первое место. Должен – и не может, и не станет, и обманет... <...>

У нас пулемёты протопоповские затихли, но в других районах действуют вовсю и сегодня. “Героичные” городские, мало притом осведомлённые, жарят с Исаакиевского собора...

За несколько дней до событий Протопопов получил “высочайшую благодарность за успешное предотвращение беспорядков 14 февраля”. Он хвастался, после убийства Гришки [Распутина], что “подавил революцию сверху. Я подавлю её и снизу”. Вот и настабил пулемётов. А жандармы о сию пору защищают уже не существующий “старый режим”.

А полки всё идут, с громадными красными знамёнами. Возвращаются одни – идут другие. Трогательно и... страшно, что они так неудержимо текут, чтобы продефилировать перед Думой. Точно получить её санкцию. Этот акт “доверия” – громадный факт; плюс... а что тут страшного – я не знаю и молчу.

Боря (Борис Бугаев – Т. Л.) смотрит в окно и кричит:
– Священный хоревод!

Все прибывают в Думу – и арестованные министры, всякие сановники. Даже Теляковского повезли (на его доме был пулемёт). Арестованных запирают в Министерский павильон. Милюков хотел отпустить Щегловитова. Но Керенский властно запер и его в павильон. О Протопопове – смутно, будто он сам пришёл арестовываться. <...>

2 марта, четверг

Вдруг – это было уже часов в 6 – телефон, сообщение: “Кабинет избран. Всё хорошо. Соглашение достигнуто”. Премьером Львов (москвич, правее кадетов), затем Некрасов, Гучков, Милюков, Керенский (юст.). Замечу следующее: революционный кабинет не содержит в себе ни одного революционера, кроме Керенского. Правда, он один многих стоит, но всё же факт: все остальные или октябристы, или кадеты, притом правые, кроме Некрасова, который был одно время кадетом левым. <...>

Поздно ночью – такие, наконец, вести, определённые: Николай подписал отречение на станции Дно в пользу Алексея, регентом Мих. Ал. <...>

3 марта, пятница

Утром – тишина. Никаких даже листков. Мимо окон толпа рабочих, предшествуемая казаками. С громадным красным знаменем на двух древках: “Да здравствует социалистическая республика”. Пение. Затем всё опять тихо.

Царь, оказывается, отрёкся и за себя и за Алексея (“мне тяжело расставаться с сыном”) в пользу Михаила Александровича.<...>

На Невском сламывали отовсюду орлов, очень мирно. Дворники подметали, мальчишки крылья таскали, крича: “Вот крылышко на обед”.

Боря, однако, кричит: “Какая двоекрылая у нас безголовица!” Именно».

Правда, Л.Д. Троцкий видит в Керенском отнюдь не революционера: «Доверие к Временному правительству в массах было безнадежно подорвано. Петроград оказался и на втором этапе революции ушедшим далеко вперёд авангардом. В июльские дни этот авангард открыто сшибся с правительством Керенского. Это не было ещё восстание, лишь глубокая разведка. Но уже в июльском столкновении обнаружилось, что за Керенским нет никакой “демократической” армии: что те силы, которые поддерживают его против нас, являются силами **контрреволюции** (выделено мной – Т. Л.)».

Страшный период двоевластия, октябрьский переворот, который войдёт в историю России как Великая октябрьская революция, приведшая большевиков к власти: «Революция в России случилась. Это – факт, который должен быть признан. Признание факта не связано с его оценкой. Революция есть явление природы. (...)», – напишет Н. Бердяев в книге “Размышления о русской революции”. – Русская революция есть великое несчастье. Всякая революция – несчастье. Счастливых революций никогда не бывало. Но революции посылаются Божьим промыслом, и потому народы многому в них научаются. Русская революция – отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало и быть не может. (...)

Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые её идеализируют и канонизируют в чине великой; создадут легенду, окружают ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию

и низвергнут легенду. (...). Нет ничего более жалкого, чем столь распространённые в русской заграничной среде споры о том, произошла ли в России революция или смута, и кто будет отвечать за революцию. Это – самоутешение от совершенного бессилия и немоци. Всякая революция есть смута. Всякая революция есть процесс разложения старого общества и культуры. (...) Революция есть рок народов и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить с достоинством, как с достоинством нужно пережить тяжёлое заболевание или смерть близкого существа».

И далее: «В русской революции в муках кончается Россия господская и Россия интеллигентская, и нарождается новая неведомая Россия. Кончить русскую революцию может лишь русское крестьянство, лишь народившаяся в самой революции новая буржуазия, лишь красная армия, опомнившаяся от своего кровавого бреда, лишь новая интеллигенция, духовно углубившаяся в трагическом опыте революции и стяжавшая себе новые положительные идеи. Хорошо ли это или плохо, но это так. Таков рок, такова судьба. После революции нельзя ждать в России ничего особенно хорошего. Опустошения слишком велики. Деморализация ужасна. Культурный уровень должен понизиться. Но нужно прямо смотреть в глаза судьбе. Нет никаких оснований для розового исторического оптимизма».

О каком уж «розовом оптимизме» может идти речь в тех трагических и кровавых событиях 1917–1922 гг., когда ещё шла война с Германией (до заключения Брестского мира в 1918 г.), началась интервенция Антанты, и самое страшное – Гражданская война. Разруха, холод, голод... Зинаида Гиппиус в одном из дневников написала, что на рынке мышь стоила 2 рубля!!! Эмиграция интеллигенции: иногда вынужденная, как например, у Игоря Северянина, Леонида Андреева, которые оказались в Финляндии после подписания Россией Брестского мира или насильственная высылка инакомыслящих по приказу правительства, вошедшая в мировую историю, как «философский пароход», тех, кого, по словам Троцкого, расстрелять «не было повода, а терпеть было невозможно», иногда сознательная – тайный переход границы семьёй Мережковских с Д. Философовым и Б. Савинковым, иногда под видом командировки – Ходасевич с Берберовой. И самая страшная и массовая эмиграция остатков побеждённой Добровольческой армии из Крыма.

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскалённой крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,

Дремал в глубокой котловине.
И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год – прощай, Россия!

Это стихотворение написано молодым казаком лейб-гвардии Атаманского полка Николаем Николаевичем Туроверовым (1899 г., станица Старочеркасская – 1972 г., Париж, Франция). Его почти ровесник Владимир Алексеевич Смоленский (1901 г., Луганск – 1961г., Париж, Франция), потомственный казак, воевавший в Добровольческой армии, покидавший с ней советскую Россию, вспоминая об этом, в 1957 году напишет так.

Над Чёрным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с севера.
Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом,
И Ангел плакал над мёртвым ангелом...
– Мы уходили за море с Врангелем.

Они были в разных полках, но стихотворение Николая Туроверова «Однополчанин» с полным правом можно отнести ко всем воинам Добровольческой армии.

Мой дорогой однополчанин,
Войною наречённый брат,
В снегах корниловской Кубани
Ты, как и все мы, выпил яд –
Пленительный и неминуемый
Напиток рухнувших эпох...

Яд рухнувшей эпохи пришлось выпить им полной чашей:

Дымилась Русь, горели сёла,
Пылали скирды и стога,
(...)
Легко рубил казак с плеча
И кровь на шашке засыхала
Зловещим светом сургуча.
(...)
Тамбов. Орёл. Познал обмана
Ты весь чарующий расцвет,

Когда смерч древнего бурана
Сметал следы имперских лет.
И над могилою столетий
Сплелися дикою гурьбой
Измена, подвиги и плети,
И честь, и слёзы, и разбой.

Так писал о революции и гражданской войне Николай Туроверов в поэме «Новочеркасск». Не мог забыть Новочеркасск с его Барочной улицей, где записывали в Белую армию, и другой казачий поэт, участник Степного похода Николай Николаевич Евсеев (1892 г. , станица Михайловская Области Войска Донского – 1974 г., Париж, Франция):

Дом на Барочной, снега, сугробы,
Счастье, молодость, Степной поход...

И позже, уже в эмиграции:

Новочеркасск в снегах мне снится,
И вновь взволнована душа.

В 1939 году, уже во Франции, Николай Николаевич Туроверов посвятит своему двойному тёзке стихотворение «Поход»:

Не здесь – на станичном погосте
Под мирной сенью крестов
Лежат драгоценные кости
Погибши в боях казаков.

Не здесь сохранились святыни,
Святыни хранились вдали:
Пучок ковыля, да полыни,
Щепотка казачьей земли...

В 1918 году девятнадцатилетний Николай Туроверов был награждён орденом Святой Анны IV степени за храбрость.

Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной – за Россию поход.

Этот поход позже в стихах он назовёт «ледяным». Таким он войдёт и в историю

Николай Николаевич
Туроверов

как поход созданной Добровольческой армии. В 1918 году Корнилов и Алексеев с этой армией под натиском наступающей Красной армии принимают решение оставить Ростов-на-Дону и Новочеркасск и идти в Екатеринодар (ныне Краснодар) для организации антибольшевистского движения среди кубанских казаков. План перебросить армию по железной дороге поездом не удался – железная дорога была занята краснармейцами. Суровой зимой армия с обозами добиралась с боями до Екатеринодара пешими переходами: 1400 километров было пройдено за 80 дней, в том числе 44 дня с боями. Добровольческая армия насчитывала 6000 штыков против 20000 красноармейцев. При штурме Екатеринодара погиб Корнилов, его заменил А. Деникин, принявший решение об отступлении на юг Дона.

1920 год – год окончательной победы Красной армии над Добровольческой армией, поход – отступление на Крым. «Боян казачества», – как позже назовут его критики в Париже¹, – Туроверов пишет поэму «Перекоп», посвящая её «родному полку».

Сильней в стремёнах стыли ноги,
И мёрзла с поводом рука.

Всю ночь шли рысью без дороги
С душой травимого волка.

(...)

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твёрдым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.

Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.

И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шёл в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

Последняя атака, прорыв в Крым и эмиграция в Европу на пароходах.

Тяжкое помню прощание с Крымом,
Всё расставанье с родною землёй,

¹ А.Н. Станюкович «Н. Туроверов – Боян казачества», Возрождение, 1956, № 60, с. 549.

И пароходов тяжёлые дымы
Над голубой черноморской водой. (Н. Евсеев)

Николаю Туроверову вода Чёрного моря показалась отнюдь не голубой, а чёрной пропастью, пропастью, куда падала Россия и его жизнь.

Помню горечь солёного ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, –
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода. («Отплытие»)

Об ощущении конца пишет и И.А. Бунин², уходящий из Одессы на последнем французском пароходе «Патрас»: «Потом шумно заклубилась вода из-под кормы, мы круто обогнули мол с тёмным, мёртвым маяком, выровнялись и пошли полным ходом... Прощай, Россия, бодро сказал я себе, сбегая по трапам. (...)

Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вон оно что – я в Чёрном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! (Перед отплытием прошёл слух, что два парохода, вышедшие накануне потерпели крушение из-за снежной бури, один у Босфора, другой у болгарских берегов. – Т. Л.) Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?» (с. 208, 211).

Для казаков была ещё одна боль при эмиграции из России – неизбежное расставание с боевым другом – конём.

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла,
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.

Или:

---

² Иван Бунин, «Конец», Сер. Русские писатели – лауреаты нобелевской премии, М., Молодая гвардия, 1991 г

Спеши, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг
И, злым предчувствием волнуем,
Заржёт печально верный друг.

Но, конечно, вершиной этой темы и образа единения казака и коня является стихотворение Н. Туроверова «Крым».

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Неслучайно этот образ коней, брошенных казаками, да и вообще кавалеристами часто используется в художественных фильмах о Гражданской войне и эмиграции.

Но вернёмся к судьбе Николая Туроверова.

Эмигрировавший из Крыма с братом и женой он около полу-года бедствовал в русском лагере на греческом острове Лемнос, затем они перебрались в Сербию, где его сестра помогла ему поступить в гимназию и, наконец, в 1922 году он переезжает в Париж. Туроверов работает грузчиком, а по вечерам учится в Сорбонне. Здесь выходит в свет в 1928 году его первый сборник стихов «Путь», затем ещё 4 сборника стихов, последний – в 1965 году.

Нельзя сказать, что его творчество прошло незамеченным критикой. «Творчество Н. Туроверова принадлежит к неоклассической линии нашей новой послереволюционной поэзии, сила её – в об-

разности, композиционной стройности, ясности и в умении находить яркие, убедительные образы», – так оценивал его поэтическое творчество Ю. Терапиано.

Глеб Струве³ отмечает, характеризуя литературную жизнь эмигрантского Парижа: «Особняком стояли... казачий поэт Николай Туроверов, державшийся в стороне от парижских литературных кругов, занимавшийся казачьей культурно-общественной работой, но высоко оценённый таким критиком, как Г.А. Адамович» (с. 222). Что касается общественной работы, то Туроверов с 1930 года является хранителем архива и музейного имущества лейб-гвардии Атаманского полка, с 1954 года редактирует журнал «Родимый край», в 1951 году выпускает сборник «Наполеон и казаки». Обсуждая его творчество, Струве считает, что: «Со свойственным парижским поэтам снобизмом от него отмахивались как от “казачьего поэта”». Всего вероятнее, что его стихов просто не знали (...), но лучшее у него заслуживает большего внимания чем то, которое ему до сих пор оказано» (с. 235–236). Он подчёркивает стойкость поэта: «Никаких жалоб и сетований про бессмысленность жизни и одиночество – при острой тоске по России и сознании отрыва от неё и горечи изгнания:

“И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны”» (с. 235).

Трудно не согласиться с этим. Действительно ностальгическая тоска по родине и скорбь о судьбах казачества пронизывают лучшие, самые пронзительные его стихотворения, в которых он поднимается до высот лирики крупнейшего поэта эмиграции – Георгия Иванова.

Над весенней водой, над затонами,
Над простором казачьей земли
Точно войско Донское – колоннами
Пролетели вчера журавли.
Пролетели, печально курлыкая,
Был далёк их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали
Казаки в чужедальних краях. (1938 г.)

Это стихотворение Николай Туроверова. А вот что написал двадцать лет спустя в 1958 году Георгий Иванов:

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли

³ «Русская литература в изгнании», Париж – Москва, 1996.

Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой.

Русский снег, русская зима – это олицетворение Родины и мучительные воспоминания о ней и для Николая Туроверова:

Слились в одну мои все зимы,
Мои оснеженные дни.
Застыли розовые дымы,
Легли сугробы за плетни.
(...)
В раю моих воспоминаний,
В моём мучительном раю
Ковровые уносят сани
Меня на родину мою. (1929 г.)

«Мучительный рай, «мачеха весёлая моя» для донского казака Туроверова – это приютившая его Франция – «страна моей (Н. Туроверова – Т. Л.) свободы». А его дом... Где он?

Зодчий, зодчий! Что ты строишь – отчий
Или новый, незнакомый дом? (...)
Помнишь наш курень саманный
С кровлей из донского камыша? (1955–1956 г.)

И ответ:

Больше ждать и верить, и томиться,
Притворяться больше не могу
Древняя Черкасская станица
Город мой на низком берегу. (1936 г.)

Казалось бы, при знакомстве с его биографией, что его жизнь сложилась, и сложилась неплохо: живёт в Париже, стал поэтом, его творчество признано русскоязычным зарубежьем, собиратель коллекции рукописей, книг, гравюр об истории и быте казачества, редактор журнала, русская жена, любимая дочь Наташа... И всё же всё же, всё же... Неизбывная тоска по России, где кто-то (поэт задаёт вопрос «Кто?» – Т. Л.) «... украл мою молодость даже, // не оставив следа у дверей». И далее:

И хожу я по белому свету,
Никогда не бывав молодым,
Небывалую молодость эту,
По следам догоняя чужим.
Увели её ночью из дома
На семнадцатом детском году
И по вашему стал, по-седому
Глупый мальчик метаться в бреду.
(...)

... Кто ответит? В острожном краю
Скачет выжженной степью укравший
Неневестную юность мою. (1923 г.)

В 1923 году Россия представляется ему острогом с выжженной степью. Поэта, пережившего в ранней юности – без юности – две войны, мучает вопрос о судьбе следующих поколений:

И растёт, и ждёт ли наша смена,
Чтобы вновь, в февральскую пургу,
Дети шли в сугробах по колено
Умирать на розовом снегу. (1937 г.)

Его ответ однозначен: «Эти дни не могут повториться». Революция, гражданская война, смута и раскол народа на красных и белых, разрушенные жизни, трагические судьбы изгнанных родиной «семнадцатилетних детей». Двадцать лет после начала братоубийственной войны, но в его душе ещё свербит вопрос о том, нужно ли кого-то ненавидеть за доставшуюся его родине и ему самому драматическую судьбу.

Тоскую, горю и стораю
В чужой непривольной дали,
Как будто не знал и не знаю
Родной и любимой земли.
Но нужно ль кого ненавидеть
За то, что досталось мне
Лишь в юности родину видеть,
Скача на горячем коне,
Запомнить простор, да туманы.
Пожары, разбои и кровь
И, видя ненужные страны,
Хранить неземную любовь. (1937 г.)

Много лет спустя после начала Гражданской войны в 1950 году Туроверов ответит самому себе на вопрос о ненависти и врагах.

Мороз крепчал. Стоял такой мороз,
Что бронепоезд наш застыл над яром,
Где ждал нас враг, и бедный паровоз
Стоял в дыму и задыхался паром.

(...)

Но вот в душе, как будто, потеплело:
Сочельник был. И снег лежал в степях.
И не было ни красных и ни белых.

Остаётся только сожалеть о том, как поздно пришло прозрение: снег, как символ России, степь, как символ казачества, христианский праздник и ... всё это – единая Родина русского народа.

Через всё творчество Н. Туроверова красной нитью проходит тема непреходящей тоски по любимой родине и увы! несбыточная, но всё же надежда на возвращение:

В холодном сумраке Европы
Мы жадно ищем наши тропы
Возврата к ней – и только к ней –
Единственной на чуждом мире:
К родным полям твоей Сибири,
К родным ветрам моих степей.

(...)

И почему мне нет иного
Пути средь множества путей,
И нет на свете лучше слова,
Чем имя родины моей.

(1941–42 гг. «Гражданские стихи»).

Другой казачий поэт Николай Евсеев понимает счастье как русскую национальную идею – преемственность «русскости» из поколения в поколение:

Родиться русским, им остаться
И это счастье уберечь.
Когда бы, где бы ни скитаться –
Таким, как деды в землю лечь.

Или:

Николай Евсеев

Счастье, счастье вернуться в родные.
Ненаглядные с детства края
На просторы, когда-то степные,
Где так сладостно пахнет земля.

Пахнет пылью, полынью и мятой,
И таким материнским, родным...
Позабуду я боль и утраты,
Снова стану опять молодым

Никого – ни родных, ни знакомых,
Лишь один этот ветер степной.
Но я с ним, я на родине, дома,
Здесь окончу я путь свой земной.⁴

За пять лет до смерти Николай Туроверов напишет своё «Завещание».

Восемь строчек завещанья
К уцелевшим друзьям, чтоб
В неизбежный день прощанья
Положили мне на гроб
Синеглазую фуражку
Атаманского полка
И прадедовскую шашку
С лентой алой темляка. (24.02.1967 г.)

Это завещание казака, завещание воина, прошедшего три войны – он участвовал во Второй мировой войне на стороне Франции против Германии, вступив в Иностраннный легион и воюя в Африке, где заразился жёлтой лихорадкой, – поэта – эмигранта, пронёсшего через всю жизнь верность присяге, верность идеалам казачества, своему полку и неизбывную горькую любовь к России.

Я видел смерть. Быть может, снова
Её увижу; но клянусь –
От прародительского слова
Я никогда не откажусь.
И ни на что не променяю
Средь самых чёрных страшных дней

---

⁴ Цит. по Ю. Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека. (1924–1974)», с. 263.

Свою любовь к родному краю
И верность родине моей.
За горсть земли из той долины,
Где некогда стоял мой дом,
Готов отдать я все равнины
И все леса в краю чужом. (1943 г.)

Ностальгия? Да, конечно. Но это, несомненно, стихи русского патриота. Революция бросила за рубеж и разбросала по самым разным странам россиян самых разных взглядов: и революционеров, и монархистов, и казаков. В гимне Войска Донского есть такие строки:

Славься, Дон! И в наши годы,
В память вольной старины,
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны!

Православное казачество после революции встало на защиту своего отечества и царя. Сергей Бехтеев (1879 г. Липовка, Елецкого уезда Орловской губерния – 4 мая 1954, Ницца, Франция) – участник Первой мировой войны, офицер Добровольческой армии с 1917 года, эмигрировавший из Крыма в Сербию и затем во Францию, поэт – монархист, посвящавший свои стихи всем членам царской семьи. Поэт-монархист, ярый противник революции, в лицо родине бросает даже не обвинение, а просто оскорбление в стихотворении «Россия»:

Была Державная Россия;
Была великая страна
С народом, мощным, как стихия,
Непобедимым, как волна.
Но под напором черни дикой,
Пред ложным призраком «свобод»
Не стало родины великой,
Распался скованный народ. (...)
Когда-то властная Царица,
Гроза и страх своих врагов –
Теперь ты жалкая блудница,
Раба, прислужница рабов! (...)
И в дни народной деспотии
В бродяге, нищенке простой
Никто не узнаёт России

И не считается с тобой. (Не правда ли, как это

современно звучит именно сегодня? – Т. Л.)

Да будут прокляты потомством

Сыны, дерзнувшие предать

С таким преступным вероломством

Свою беспомощную Мать!

(Орёл, апрель 1917 года).

Протоиерей Александр Шаргунов, составитель книги стихов Сергея Бехтеева (М., Новая книга, 1996 г.) , считает, что: «Сергей Бехтеев – поэт-пророк. Об отречении царя он пишет с трепетом, как о подвиге страсотерпчества». В 1917 году, когда пылало «кровавым заревом небо» и «пылали усадьбы подряд», Бехтеев посвящает стихотворение Николаю II и передаёт его в Тобольск:

Пройдут века; но подлости народной

С страниц истории не вычеркнут года:

Образ царя, прямой и благородный,

Пощёчиной вам будет навсегда.

Благородный образ Николая II? «Подвиг страсотерпчества»? Это весьма спорное утверждение, которое не только не разделяет автор данного эссе, но и многие современники поэта. В частности Зинаида Гиппиус так отреагировала на известие о расстреле царя: «Щупленького офицера не жаль, конечно... он давно был с мертвечинкой», не говоря уже о массовой поддержке «красных» народом России, что, в конечном итоге, и привело к победе советской власти и созданию Советского Союза.

Следует отметить, что в поэтическом сборнике «Песни скорби и слёз» (1920 г., Сербия) Бехтеев напишет:

Блажен, кто в дни борьбы мятежной

В дни общей мерзости людской

Остался с чистой, белоснежной

Неопороченной душой.

(...)

Блажен, кто родину не предал, (курсив мой – Т. Л.)

Кто на царя не восставал...

Главной здесь является, с моей точки зрения, строка о невозможности предать родину. Да, Бехтеев верил в монархическую судьбу России. Да, он не отказался от неё, боролся за свои взгляды. Предал ли он Россию? Думаю, что нет, наоборот остался её

Сергей Бехтеев

Сергей Сергеевич Бехтеев (20.04.1879 – 04.05.1954) – русский поэт и драматург, белогвардейский офицер, эмигрант первой волны, Монархист. Был лично знаком с семьями Николая II и великого Князя Кирилла Владимировича.

патриотом, такой, какой он её видел и хотел видеть в будущем. Верил в то, что всё вернётся на круги своя.

«Я твёрдо верю» – День настанет,
Пройдёт пора кровавых смут
И перед нами в вечность канет
Слепой и дикий самосуд .

(Новый Футог, Сербия, 1922 г.)

Бехтеев не оказался пророком. Монархия не возродилась, да и не возродится, будем надеяться, никогда. А вот что касается веры в Россию, верности своим идеям, каковыми бы они ни были различными у разных людей – эмигрантов первой волны, любви к Родине, то вернёмся снова к стихам Николая Туроверова:

Мою тоску, и веру, и любовь
Ещё припомнит молодое племя...

Быть может, зря были ли прожиты их жизни в отрыве от родины? На этот вопрос ответ дал Николай Туроверов в стихотворении 1945 года «Отцу Николаю»:

Не георгиевский, а нательный крест,
Медный, на простом гайтане
Памятью знакомых мест
Никогда напоминать не перестанет;
Но и крест, полученный в бою,
Точно друг, и беспокойный и горячий,
Всё твердит, что *молодость свою*
Я не мог бы начинать иначе. (Курсив мой – Т. Л.)

Да, как бы тяжело ни складывались их эмигрантская жизнь и судьбы, но они были верны своим идеалом и пронесли через всю жизнь верность России. Георгий Адамович в широко известном стихотворении спрашивает:

Когда мы в Россию вернёмся...о, Гамлет восточный, когда? –
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредём...

И сам же себе отвечает:

Пора собираться. Светает. Пора бы и трогаться в путь.
Две медных монеты на веки. Скрещённые руки на грудь.

Да, бранные тела многих поэтов Серебряного века, не принявших большевистскую революцию, покоятся на различных русских кладбищах Франции и других стран Европы, Азии, Америки. Но их имена, их творчество возвращаются из изгнания в Россию, издаются книги, на их родине появляются мемориальные доски, открываются музеи, проводятся вечера памяти и конкурсы.

«Мы не в изгнании, мы в послании», – утверждала Зинаида Гиппиус. Отраднo, что их «послание» вернулось или ещё только возвращается в Россию, хотя и десятки лет спустя, чтобы восполнить пустовавшие, но предназначенные для них страницы Единой русской культуры.

PS. Мой дед Лестев Александр Николаевич, учитель, происходил из Донских казаков. Дед не участвовал в Первой мировой войне – учителей не призывали в армию. Его родной младший брат – Михаил Николаевич (1888 года рождения) был призван из станицы Кепинской Области войска Донского в 14 Донской казачий полк. Офицер – сотник он погиб 18 ноября 1914 года под Бендином, уездном городе Петроковской губернии (ныне Польша) во время разведки, которую производил со своей сотней, не дожив до революции и Гражданской войны. Иногда я задаю себе вопрос, а как бы сложилась его судьба, если бы немецкие пули не лишили его жизни? Мне кажется, что он остался бы верен присяге.

Санкт-Петербург
Август 2017 года